

Анализ статистики уголовных преступлений позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в структуре уголовной преступности преобладали кражи различных видов, которые составляли 92 % от числа всех совершенных преступлений. Во-вторых, в послевоенные годы наметилась тенденция к снижению преступности. Если в 1944 г. было зафиксировано 4 232 преступления, то в 1945 – 3 179, в 1946 – 3 163, в 1947 г. – 2 508. В-третьих, проведенные расчеты свидетельствуют, что преступность носила сезонный характер, повышаясь в летний период и снижаясь с наступлением зимы. Из общего количества преступлений 7 050 (53,9 %) были совершены в весенне-летние месяцы (апрель–сентябрь), 6 032 (46,1%) – в осенне-зимние (октябрь–март). В послевоенный период большинство преступлений совершалось местными жителями (колхозниками, безработными), имевшими судимость и не имевшими определенных занятий. Таким образом, преступность во многом носила рецидивный характер.

Наибольшую общественную опасность представляли диверсионно-террористические акты. Для борьбы с диверсантами на территории области было сформировано 38 истребительных батальонов общей численностью 4 тыс. чел. Их командный состав насчитывал 28 работников НКВД и 281 сотрудника милиции. Кроме того, 14 тыс. вологжан в составе групп содействия активно участвовали в оперативно-розыскных мероприятиях (облавы, прочесывание лесных массивов, проверка документов и др.). За годы войны сотрудниками НКВД и истребительными батальонами Вологодской области были ликвидированы 32 группы вражеских диверсантов. При этом на территории области не было допущено ни одной серьезной диверсии.

Другим направлением деятельности органов НКВД была борьба с бандитизмом, выявление и задержание дезертиров и лиц, уклонявшихся от несения военной службы. В составе УНКВД по Вологодской области было сформировано отделение по борьбе с бандитизмом (ОББ). За первое полугодие 1942 г. на территории Вологодской области было задержано свыше 2 тыс. дезертиров из РККА, свыше 1,5 тыс. лиц, уклонявшихся от призыва и мобилизации в РККА (арестовывались или передавались в военкоматы).

В 1943–1944 гг. на территории области проводилась операция «Волк» по задержанию особо опасного преступника-дезертира (предположительно офицера, сбежавшего с Балтийского флота). На территории Чагодощенского, Кадуйского и Белозерского районов его жертвами стали молодая учительница, лесник, солдат-отпускник, колхозница, подросток. При попытках задержания преступником было убито несколько сотрудников милиции, и каждый раз он уходил от преследования, заматывая следы. Самое жуткое то, что преступник питался человеческим мясом, которое срезал с трупов убитых.

В феврале 1944 г. опергруппа из числа работников УНКВД, милиции и бойцов истребительного батальона обнаружила бандита в лесу по дыму костра. Последний оказал вооруженное сопротивление и в ходе завязавшейся перестрелке был убит. Возле него были обнаружены автомат ППШ, трехлинейная винтовка, два пистолета ТТ, патроны, а также куски мяса, срезанные с трупов убитых сотрудников НКВД, которые преступник употреблял в пищу.

В целом, работа милиции по борьбе с преступностью была достаточно эффективной. Раскрываемость уголовных преступлений в Вологодской области в 1944–1948 гг. составляла 89,8 %. При этом более половины преступлений (56,8 %) раскрывались по агентурным данным.

Большой практический интерес представляет вопрос о преступности среди сотрудников органов внутренних дел. Существовали ли в то время «оборотни в погонах»? Безусловно, преступность в системе НКВД также имела место. Этому способствовал ряд объективных факторов. Во-первых, тяжелое материально-бытовое положение сотрудников милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уровень их дохода, как правило, не превышал прожиточного минимума, что создавало благодатную почву для использования своего служебного положения в корыстных целях. Во-вторых, изменение в худшую сторону качественного состава сотрудников правоохранительных органов. Опытные сотрудники уходили на фронт, а на их место приходили малоопытные и недостаточно обученные люди. Наиболее типичными правонарушителями сотрудников органов внутренних дел являлись: пьянство и морально-бытовое разложение, злоупотребление служебным положением, нарушение социалистической законности, халатное отношение к службе и прогулы. Однако несмотря на это, большинство сотрудников честно выполняли свой профессиональный долг.

УДК 351.74(09)

С.Ф. Лапанович

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОМАНДНЫХ КУРСОВ МИЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ В ШКОЛУ МИЛИЦИИ ПРИ ГЛАВМИЛИЦИИ ССРБ (НАЧАЛО 20-х гг. XX в.)

После окончания гражданской войны в советских республиках начался период относительно мирного строительства, который ставил перед молодой советской милицией ряд сложных задач профессионального плана. Одной из них было становление и развитие самой милиции как органа правопорядка нового типа, который партия большевиков стремилась сделать в корне отличной от предыдущих периодов – царского и Временного правительства. В кадровом плане это предполагало прием на работу прежде всего тех сотрудников, которые отвечали классовым и идеологическим критериям, но при этом часто не имели практически никакого опыта милицейской службы. Для их скорейшего обучения и повышения квалификации было решено создать сеть специальных милицейских курсов и школ. При этом данный процесс развивался в ССРБ аналогично с РСФСР, с которой мы находилось в тесном военном и дипломатическом союзе и чьи нормативные правовые акты действовали на территории нашей страны.

Как отмечает российская исследовательница М.А. Кожевникова, первые милицейские курсы появились во второй половине 1918 г. в крупнейших городах советской России – Москве, Петрограде, Владимире. По формальным признакам, а именно: деятельность осуществлялась на основании учебных программ, учебных планов и расписания занятий, были установлены правила приема и сроки обучения, привлекались к работе специалисты, имеющие соответствующее образование и опыт – такие курсы можно отнести к разряду профессиональных учебных заведений. Положенные в основу деятельности милицейских курсов принципы согласовывались с государственной политикой в области профессионального образования.

При этом, как подчеркивает М.А. Кожевникова, фактически первые милицейские курсы имели только ознакомительный характер, осуществляя первичное профессиональное обучение. Они и не могли претендовать на более высокий уровень профессиональной подготовки хотя бы по причине того, что значительная часть обучающихся были неграмотными или малограмотными. Поэтому в рамках милицейских курсов и школ значительное место занимало обучение общеобразовательным предметам. Это решение согласовывалось с государственной политикой ликвидации безграмотности среди населения в соответствии с Декретом

СНК от 26 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», а курсы подготовки милицейских кадров являлись одновременно и первой ступенью единой трудовой школы.

Как пишет российская исследовательница Л. Е. Филиппова, Положение о Рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. расширило компетенцию Главмилиции и ее местных органов за счет постепенного изъятия полномочий у исполкомов Советов, в результате именно на Главмилицию была возложена организация «специальных курсов по милиции».

В ССРБ вопрос о курсах по подготовке работников НКВД республики рассматривался на заседании коллегии в марте 1921 г. Было принято решение «устроить курсы по переподготовке милиционеров». В апреле 1921 г. Главным управлением милиции НКВД РСФСР был издан приказ № 69, которым, как считали в НКВД, «был положен твердый фундамент для дальнейшего развития сети школ». Были утверждены Положение и Программа курсов командного состава при губернских и областных управлениях милиции – правовые документы, внесшие единообразие в систему подготовки кадров.

Далее на основании Положения о курсах командного состава милиции, было разработано положение о четырехмесячных курсах, в котором указывалось, что «курсы комсостава имеют своим назначением всесторонне подготовить своих слушателей к занятию должностей до начальника уездной милиции».

Документы и материалы по организации этих курсов хранятся в 37-м фонде Национального архива Республики Беларусь. Согласно им командные курсы милицейской службы при Главмилиции ССРБ были официально открыты с 1 октября 1921 г. в г. Минске. Всего было принято 90 курсантов, их выпуск планировался на 15 февраля. В рамках курсов милицейской службы преподавались следующие предметы: русский язык, арифметика, география, история рабочего движения, политэкономика, законоведение, административное право, ряд уставов: гарнизонный, полевой, внутренний, дисциплинарный, полевой, а также стрелковое дело. Распорядок дня курсантов был следующий: начало учебных занятий в 9 часов, потом с 11 до 13 часов строевые занятия, обед и отдых с 13 до 15 часов, затем вновь учебные занятия с 15 до 18 часов и строевые с 18 до 19.

Фактически в короткий четырехмесячный срок курсантам предстояло одновременно изучить материал по общеобразовательным предметам, усвоить азы юридических знаний и при этом повысить уровень своей боевой и служебной подготовки. Несмотря на то, что изначально на курсы старались принимать более-менее грамотных курсантов, имеющих положительные характеристики, эта задача в сложных условиях становления милицейского образования в такие сроки была не достижима.

Поэтому уже в марте 1922 г. в г. Минске курсы были реорганизованы в Школу милиции (милиционеров) при Главмилиции НКВД ССРБ. В положении о школе подчеркивалось, что задача ее состоит в «поднятии познаний милицейских работников путем теоретической и практической подготовки». Первоначально планировался девятимесячный срок обучения, позже было принято решение сократить курс обучения до восьми месяцев с проживанием слушателей на казарменном положении. В школу направлялись милиционеры с определенным уровнем образования, годные по состоянию здоровья служить в милиции, не судимые, прошедшие службу в армии, в возрасте от 21 года до 30 лет.

Учебные план и программа включали две части: учебную и строевую. В учебной части все предметы разделялись на три отделения – общее (русский язык, арифметика, география, история России и Беларуси, Советская Конституция, законоведение, история рабочего движения, гигиена), специальное (органы административные, органы милиции, делопроизводство, деятельность милиции и уголовного розыска, судебная медицина) и политграмота (революция, советская власть, компартия). Строевая часть включала изучение внутреннего, гарнизонного, строевого, полевого и дисциплинарного уставов, а также стрелковое, окопное, пулеметное дело и военную топографию.

После окончания обучения специальная комиссия оценивала уровень знаний курсантов. Окончивший школу курсант получал удостоверение с отзывом о результатах учебы и с указанием должности, к занятию которой он признан годным.

Потом школа милиционеров была преобразована в школу для подготовки младшего комсостава с уголовно-розыскным отделением. В декабря 1925 г. по инициативе Минского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Минской школы милиции было присвоено имя М.В. Фрунзе.

Мы согласимся с российскими исследователями истории милиции, что начальный этап формирования системы профессионального обучения сотрудников милиции во многом протекал стихийно, учебной не были охвачены многие категории милицейских работников. При этом подчеркнем, что без сложного и противоречивого опыта первых милицейских курсов 1920-х гг. невозможно было бы дальнейшее успешное развитие самой системы обучения и образования милиционеров.

УДК 34(091)

Л.А. Левская

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В ЭПОХУ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

С появлением первых государств зарождается и право. Государство стало не только устанавливать общеобязательные правила поведения, но и следить за тем, чтобы они исполнялись, используя при необходимости меры принуждения. Выполнять эту правоохранительную функцию призван был суд как орган, применяющий государственные санкции и назначающий наказание за нарушение норм права.

Однако на ранних стадиях становления государственности органы власти не были структурно дифференцированы с учетом их компетенции. В частности, правосудие не отделялось от управленческой деятельности, отсутствовали цельная система судов и корпус профессиональных судей. Судебные полномочия возлагались на чиновников. Учитывая то, что у них могло возникнуть искушение воспользоваться своим положением в личных целях, уже в древних законах стали предусматриваться меры, направленные против взяточничества, злоупотреблений должностными полномочиями и т. д. Так, в Вавилоне в случае судебной волокиты, злоупотребления судей, отказа в правосудии жалоба приносилась царю. А если судья менял свое решение после того, как оно было записано в специальном документе, то, в соответствии с Законами Хаммурапи, он должен был уплатить сумму иска, предъявленного в этом судебном деле, в 12-кратном размере. Кроме того, по решению общинного собрания судья лишался своего кресла без права заниматься судебной деятельностью в последующем. Требование беспристрастности судей содержится в древнеиндийских Дхармашастрах Яджнавалкья. Об ответственности служащих царя за мздоимство, злоупотребления и прочие должност-